

На Дунанской улице бесплатную кашу раздавали в трёх местах. Одно из них устроила уездная управа, а два других — богатые семейства города. Они заранее договорились между собой, и каша во всех трёх точках была абсолютно одинаковой, так что не было такого, чтобы кто-то выстраивался в очередь только к кому-то одному.

Количество людей в очередях на всех трёх точках было примерно одинаковым. Чи Сюй отвел Цзин Юя к самой крайней палатке — получив там кашу, они могли спокойно сесть и поесть в тенишке неподалеку.

— Эй, парень, твой муж случайно не болен?

Стоило им только сесть с мисками белой каши в руках, как к ним подсел незнакомый мужчина с вытянутым лицом и желтоватой кожей. Во время разговора мышца под одним глазом у него постоянно подёргивалась.

Чи Сюй не знал, зачем этому человеку понадобилось к ним приставать, но судя по выражению его лица — брезгливому, но вынужденно изображающему заботу, — ничего хорошего от него ждать не стоило.

— Он не болен, просто его здоровье всегда было слабым. Мы бежали от бедности, всю дорогу скитались под открытым небом, нормально не ели и не спали, вот он и дошел до такого состояния. А в чем дело?

Лю Второименный потирал руки, а его воровато бегающие глаза в конце концов уставились на миску с кашей в руках Цзин Юя. Он попытался напустить на себя скорбное и жалкое выражение лица:

— Я смотрю, твой муж много не съест. Не мог бы ты отдать остатки мне? У меня дома народу много: трое детей, да матушка с батюшкой в годах. Будьте милосердны, сделайте доброе дело, давайте подружмся.

Кто станет с бухты-барахты набиваться в друзья?

Чи Сюй впервые встретился с настолько бесстыдным человеком. Ведь стоило просто встать в очередь, чтобы получить свою миску каши — если не наелся, можно было сходить еще раз, так как у него вообще хватало совести приходить к ним с такими речами?

— Нет, не могу. Что он не допьет — допью я, мне самому мало. Чи Сюй говорил это, одновременно шаг за шагом заступая перед Цзин Юем и прикрывая его собой, чтобы та гадость не лезла парню на глаза и не отбила у него последние крохи аппетита к каше.

— Где твои родные? Почему ты сам не встанешь в очередь, а приходишь трепать нервы нам — какая от этого польза?

— Молодой человек, это что за манеры? С каких пор я вам треплю нервы? Не хотите делиться — так прямо и сказали бы!

Второй Лао Лю расвирепел. Он рассчитывал на то, что раз они такие молодые и тонкокожие, с ними будет легко сладить, но никак не ожидал, что Чи Сюй окажется настолько бескомпромиссным, а его слова — громкими и неприятными. Вокруг сразу же уставилось множество людей, и ему стало жутко стыдно.

— Тогда чего ты еще не убираешься отсюда?!

Чи Сюй яростно поднялся на ноги, его мощная фигура нависла над Вторым Лао Лю, словно гора. В одной руке он держал миску, а другую, сжатую в кулак размером с мешок с песком, воинственно вскинул прямо перед носом у наглеца.

Второй Лао Лю смертельно испугался, плюхнулся на землю задом наперед и замер, выставив пузатое брюхо, точь-в-точь как перевернутая кверху лапами жаба.

Вокруг тут же раздались насмешливые голоса. Кто-то бросил:

— Второй Лао Лю, ты опять бесстыдство проявляешь! Времена-то какие настали, а все ведешь себя как голодный демон.

Второй Лао Лю больше не смел задирать Чи Сюя. Услышав эти слова, он залился краской до самых ушей, вскочил на ноги и принялся осыпать руганью того, кто над ним посмеялся:

— Не твое собачье дело! Суешь нос куда не просят, совсем как пес на дохлую кошку!

С этими словами он умчался прочь, только пятки засверкали.

С некоторого рода людьми нельзя вести себя мягко, и Чи Сюй как раз воспользовался моментом, чтобы дать понять: они с Цзин Юем вовсе не тряпки, о которые можно вытирать ноги, — а заодно отбить охоту у других возможных охотников поживиться за их счет. Цзин Юй удивился, заметив вспышку его гнева. За всё время в дороге тот относился ко всем прекрасно, совсем не походя на человека, способного разозлиться.

Громко отхлебнув больше половины каши, Чи Сюй почувствовал, как в животе немного потеплело. Каша была сварена из нескольких видов злаков и оказалась намного гуще, чем он предполагал. Разве у них на родине это не называли бы грубым зерном для диетического питания?

— Я больше не могу.

Цзин Юй обеими руками протянул миску вперед. Каши убавилось совсем чуть-чуть — если опустить палец, глубина казалась уменьшившейся всего на одну фалангу.

— Неужели нельзя съесть побольше?

С досадой и негодованием приняв миску, Чи Сюй в два-три глотка прикончил остатки каши в своей посуде, отставил её в сторону и уселся вплотную к Цзин Юю.

— Не то чтобы я хотел тебя пилить, но у нас нет денег, мы ужасно бедны. Дальше, пожалуй, придется питаться еще хуже.

Цзин Юй повернулся к нему лицом, и его угольно-черные глаза пристально уставились на Чи Сюя. Длинные густые ресницы отбрасывали на нижние веки тени, похожие на два маленьких веера.

— Я просто не хочу есть.

Чи Сюй действительно не знал, что с ним делать, — еще не доводилось встречать столь капризного человека.

— Ладно-ладно, не хочешь — я доем.

Поглощая кашу, он забормотал себе под нос, недовольно ворча:

— Целыми днями то не ем, это не ем... Захотелось драконьего мяса? Да ты посмотри...

— Я всё слышал, — холодно произнес Цзин Юй.

— Что ты услышал?

Прикинувшись дурачком, Чи Сюй уткнулся носом в миску и продолжил хлебать кашу, стараясь поскорее доесть остатки, чтобы вернуться на отдых. Внезапно в боку кольнуло: опустив взгляд, он увидел, что пальцы Цзин Юя мертвой хваткой вцепились ему в бока.

— Ну погоди, вернемся — я тебе все ногти под корень состригу.

Когда они только ушли из дома Янь, у Цзин Юя ногти едва выступали за кончики пальцев, поэтому никто на них не обращал внимания, но к нынешнему моменту они уже сильно отрасли.

Было ему абсолютно всё равно, отращивают ли эти избалованные аристократы и молодые господа ногти ради демонстрации своего статуса или по какой-то другой причине — при нем такого не будет.

Цзин Юй пропустил слова Чи Сюя мимо ушей, пока по возвращении, когда они уже собирались отдыхать, Чи Сюй не вытащил крошечную изящную вещицу с серебристым блеском, намереваясь подстричь ему ногти.

— Что это такое?

— Того какое дело, что это.

Чи Сюй перехватил его за руку, но стоило кусачкам коснуться ногтя, как Цзин Юй отчаянно дернулся назад.

— Цц, не дергайся, а то задену кожу.

— Сначала скажи, что это.

Он всегда знал, что у Чи Сюя есть секреты, причем огромные. Раньше он обыскивал постоянный двор вдоль и поперек, но так ничего и не нашел, а теперь вдруг появилась какая-то новая вещьца, что, естественно, пробудило любопытство.

Вдруг... он имел в виду — вдруг Чи Сюй возьмет и расскажет ему?

— Да что это может быть? Ногти тебе стричь.

Он и сам не понимал почему: с тех пор как тот бессовестный тип отравил его и тем самым раскрыл тайну, он даже не пытался ничего скрывать или утаивать, просто не знал, с чего начать.

При этом он прекрасно понимал: если этот секрет выплывет наружу, он неминуемо навлечет на него невообразимые бедствия.

<http://bllate.org/book/22452/2360394>